
В. ПАТЦЕЛЬТ
ИССЛЕДУЯ ИСТОРИЮ:
ОЧЕРК ЭВОЛЮЦИОННОЙ МОРФОЛОГИИ

1. Основы

Понятие морфологии было введено Иоганном Вольфгангом Гёте в XVIII в. Он описывает такие исследования и их результаты, целью которых является:

- «"распознавание образа или модели" или "*Gestalt* распознавание",
- анализ *развития* таких моделей;
- отношения между такими моделями. В конце концов, они имеют общую историю».

С такой точки зрения морфология обозначает не что иное, как *сравнительный анализ моделей*, и включает в себя как *современные* модели, так и *исторические*¹.

Морфологические исследования под разными ярлыками достаточно популярны в изучении истории искусств, языков, идей (юридических), институтов, и вообще живых существ. Вслед за неожиданным открытием, что индоевропейский язык был прародителем санскрита и большинства европейских языков, величайший триумф морфологии произошел в естественной истории: зооло-

¹ Именно это выражается словом «морфология»: *morphé*, греческое слово, обозначающее «модель» или «форму», так же как часть греческого слова «-logia» обозначает науку о чем-то, как, например, *гео-логия* или *био-логия*.

гам удалось в течение века или чуть больше классифицировать около 2 млн. видов животных, так что не только их «семейная принадлежность» была отражена без особых противоречий, но и обосновать историю жизни биологических форм на земле. Это убедительно показывает хорошие шансы морфологии раскрыть «порядок развития» *достаточно близко к фактам*.

Заметим, что такие исследования полагались не на исторические документы или генетический анализ. Они были основаны исключительно на *наблюдениях* над окаменелостями и живыми телами и на *обоснованной теории* [Glaser, 2011], что позволило сначала *распознать*, а затем *объяснить* модели. Вы вряд ли найдете зоолога или биолога, который стал бы заявлять, что классификация животных и растений Линнея, слегка модифицированная сегодня, лишь «научная фантастика» и может быть написана совсем по-другому. Наоборот, анализ, приведенный уже современной генетикой, доказал, что открытия, сделанные десятилетия назад только на основании влияния моделей, их сравнения и интерпретации моделей, абсолютно верны. Поэтому мы не должны избегать использования этих идей и методологии и для классификации исторических и современных политических режимов, так как они помогли сравнительной зоологии и лингвистике обнаружить реальный (исторический) порядок в их многосложных явлениях. Когда мы анализируем общественные институты и политические режимы, эта задача должна быть даже легче, так как у нас не только есть факты, за которыми мы *наблюдаем*, но довольно часто – и исторические источники, которые *рассказывают* нам о том, что случилось.

2. Морфологические концепции и их исходные теории

Основными концепциями морфологии являются концепции *гомологии* и *аналогии*. На их основе вводится концепция *гомойологии*. Анализируя более глубокие слои человеческих умений и навыков, мы приходим к концепциям *гомодинамии* и *гомономии*. И в конце концов мы принимаем концепции *мозаичной эволюции* и *параллельной эволюции* и соотносим их с более широкой концепцией «институциональной архитектуры» для анализа различных «скоростей» эволюционных процессов. Действительно, *термин* «ана-

логия» очень популярен. Но *концепция* аналогии остается неясной. Слово «гомология» используется среди ученых довольно редко. То же самое справедливо и по отношению к концепциям мозаичной эволюции и параллельной эволюции, хотя интуитивно они кажутся понятными. Что же касается таких концепций, как гомойология, гомодинамия и гомономия, они редко используются и в научной дискуссии. Их странные греческие названия могут быть препятствием к их использованию. Может быть, когда-нибудь кто-то и сочтет их интуитивно понятными и привлекательными. Но нам тем не менее нужно понять их сегодня.

Гомология

Гомология обозначает сходство, порожденное общей историей. Это сходство, касающееся общих ген или мем, возникающее на почве генетических или мемов – цепей репликации, когда-то начавшихся от общего предка. Уместно здесь привести два примера. Когда мы рассматриваем скелеты, обладая некоторым профессиональным знанием, мы обнаруживаем, что передние ноги лошадей и людей выглядят довольно похожими. Результаты исследования эволюции говорят нам, что у них близкое происхождение в истории позвоночных. Поэтому мы утверждаем, что они гомологичны. Когда же мы анализируем политические институты, обладая некоторым историческим знанием, мы признаем, что Вечное Законодательное собрание Священной Римской империи германцев и Федеральный Совет и в имперской Германии, и в сегодняшней Федеративной Республике Германия сконструированы по одному и тому же чертежу. Посланники, иногда главы правительств, составных частей федеративной империи или республики собираются для обсуждения и принятия законов. Именно это и представляет собой гомологическое сходство. Правильная формула будет звучать следующим образом: гомология – это сходство в глубинных структурах, так как они созданы в результате процессов структурообразования в соответствии с общепринятыми «чертежами» и «рецептами». Такое сходство не может измениться, его можно только спрятать, особенно с помощью трансформации оригинальной формы или дополнительными «слоями» поверхностных структур, развивающихся со временем, что мы и будем обсуждать в следую-

щем разделе. Члены Германского федерального совета, например, «нормальные политики», а те, кто служил в Имперском федеральном совете, были дипломатами; и эта смена найма для той же институциональной формы связана с адаптацией Федерального совета к трансформированной структуре всего режима, и к новым возможностям легкого перемещения между столицей и другими частями Германии. Такие *различия в поверхностных структурах* довольно часто скрывают *общие глубинные структуры*. Это может достигнуть такой степени, что основное сходство, основанное на общих «чертежах», или рецептах, больше не может быть обнаружено невооруженным взглядом, но только в результате аналитического усилия. Еще два примера проясняют ситуацию. Крылья птицы и передние ноги лошади на вид совершенно различны – для всех, кто не знаком со структурой скелета позвоночных. Но те, кто знает историю позвоночных, легко «увидят», что *те же самые структуры*, т.е. передние ноги, начали выполнять различные функции миллионы лет назад. Эти самые основные структуры трансформировались в соответствии с новыми функциями и были снабжены дополнительными, хорошо прилаженными поверхностными структурами в результате долгого эволюционного процесса проб, ошибок и дифференциальной репродукции. То же самое справедливо для юридических структур. Они смоделированы по тому же «чертежу» выборного представительского собрания. Но они вмонтированы или были *вмонтированы в различные общие структуры* политического режима, где им приходилось *выполнять различные функции*. Поэтому со временем они претерпели *трансформации* и приобрели *различные формы*, в соответствии с их *различными функциями*, но при этом никогда не теряли своей *общей исходной формы*. На конкретные исследования гораздо больше, чем на теорию, влияет то, были ли гомологии созданы генетической репликацией (как в природе) или мем – репликацией (как в культуре). Изучая историю человечества, мы часто узнаем о репликации мем цепей. Это особенно справедливо, если культура использует рукописи, которые мы можем прочесть, и производит достаточно текстов, которые рассказывают о развитии ее институтов, законов или идей с течением времени. В таких случаях, например в европейской или китайской культуре, *тексты* раскрывают происхождение юридических правил, а исторические записки помогают нам проследить традиции

или понять стадии трансформаций в армии, административных органах или партиях от ранней стадии до поздних форм. Но чем дальше мы уходим в историю прошлого, тем менее мы находим текстов или исторических документов, *доказывающих*, что один институт, закон или идея берет начало в предшествующем институте, законе или идее, т.е. имеет гомологическое сходство. Но когда мы совсем не находим текстов, в которых можно обнаружить эти структурно-строительные «чертежи» или «рецепты» (т.е. мемы или мемплексы), мы просто не можем доказать, что гомологическая схожесть существует. Во всех этих случаях нам приходится полагаться на наблюдения и интерпретацию. Это то, что делали зоологи и биологи, когда они так успешно сформировали классификацию животных и растений. Их работа была основана *только* на узнавании моделей, и они строили «обоснованную теорию» на предположениях, сделанных на основе *интерпретации* таких моделей. Только 200 лет спустя, после развития биохимической генетики, стало возможным «объективно» определить степень генетической совместимости между всеми существами, т.е. их степень гомологической схожести. Как мы все знаем, это изменение метода только подтверждает то, что было обнаружено раньше. Но не только успех биологов продемонстрировал, что герменевтические исследования могут привести к обоснованным, строго научным результатам, не подвергающимся никаким сомнениям. Это также было доказано исследователями, занимающимися изучением архитектурных форм (таких, как собор или мечеть), живописи (например, мотив Рождества, проходящий через века и стили), музыки (эволюция мотета от Жоскена до Баха). Все эти исследователи реконструировали историю форм, которые они изучали, через поиски гомологического сходства. И когда они находили дополнительные письменные источники, рассказывающие о том, как исходные «чертежи» или «рецепты» создания этих форм передавались от поколения к поколению среди архитекторов, художников и композиторов, они обычно находили подтверждение тому, что они уже «видели», «слышали» или заказывали. То же самое можно сказать об ученых, работающих в области ранней истории и доисторических времен. Они стремятся и успешно добиваются реконструкции целых культур и ремесленнических систем на основании останков глиняной посуды или человеческих жилищ. По отношению к ана-

лизу герменевтической информации они ничем не отличаются от биологов, таких, как Линней, который пытался обнаружить определенный порядок в огромном разнообразии растений и животных. Но в одном смысле биологам пришлось начинать при явно худших обстоятельствах. Рукописи и тексты в качестве «чертежей» и «рецептов» создания культурных и социальных структур, а также как носителей культурных форм, были «читабельны» и понимаемы в течение почти 4 тыс. лет. Их тщательный анализ производился в течение многих веков. В то время как даже о существовании ДНК как основного «чертежа» или «рецепта» в природе стало известно только в последнем столетии. Тем не менее биологи сформулировали правильные утверждения о цепях генетических репликаций на основе выводов о гомологических сходствах. Но как же им удалось добиться успеха? Понятно, что знания о животноводстве, т.е. опыт «*практической* генетической репликации», дал им возможность развить некоторые базовые идеи. Но решающим оказался тот факт, что они строго следовали методологии, которая теперь известна как морфология. Со временем этот подход был систематизирован и его стали преподавать, в том числе такие ученые, как Адольф Ремане и Руперт Ридль [Riedl, 2003]. Для исследователей общественных наук тоже было бы мудро полагаться на эту методологию, в особенности там, где нет никаких текстов, которые могли бы раскрыть существование гомологий напрямую. Существует три проверенных критерия, позволяющих обнаружить гомологическое сходство, даже не имея доступа к таким генетическим или мем-рукописям, которые физически передавали бы «чертежи» или «рецепты» от одного поколения следующему. Все они полагаются на расчет вероятности (calculus of probability). Основная идея заключается в том, чтобы гипотетически предположить наличие гомологического сходства в любом случае, когда почти невозможно предположить, что наблюдаемое сходство в структурах развилось случайно, т.е. без наличия общего предка, независимо от того, насколько он отдален. Следует заметить, что когда мы применяем эту идею в сфере социокультурной эволюции, основная идея «репликации чертежа» подвергается серьезной модификации: в то время как генетическая репликация, в отличие от искусственного осеменения, требует совместного присутствия донора и получателя «чертежа», в случае мем-репликации все происходит по-другому:

мемы могут перескакивать через века (как идея Аристотеля, вдохновившая Фому Аквинского после того, как ее забыли на латинском Западе на века) и континенты (как институциональная форма Британского парламента в бывших английских колониях). При таком определении «общего предка» следующие критерии могут оказаться полезными для сравнительного анализа гуманитарных наук, как это уже произошло в зоологии.

1. *Положение структуры в принимающей структуре*: находим ли мы структуры, гомологическую схожесть которых мы хотим определить, в том же месте в разных скелетах или формах собора или института, в котором мы обнаружили его? Если так, то возможно, что это произошло не случайно, а потому, что «чертеж» или «рецепт», на котором построена эта структура внутри принимающей структуры, такой же, по крайней мере в основных чертах, во всех случаях. Следующий вопрос, конечно, каким образом этот «чертеж» или «рецепт» совершил «путешествие» между разными местами или принимающими структурами, где мы находим его теперь. В гуманитарных науках это привело бы нас к анализу процессов культурной диссеминации.

2. *Специальное качество*: демонстрируют ли структуры, гомологическое сходство которых мы определяем, одинаковую «архитектуру» во всех разнообразных скелетах и институтах, формах религиозного построения и музыкальных композициях, которые мы сравниваем? Если да, то опять появляется возможность того, что это происходит не случайно, а потому, что «чертежи» или «рецепты», на которых построена структура, одинаковы во всех случаях. Тогда мы опять должны выяснить, каким образом «путешествовали» гены или мемы, создатели структуры.

3. *Существование переходных форм*: если мы можем найти переходные формы между настоящей структурой и предыдущей, вполне возможно, «структурой» – «предком», тогда высока вероятность гомологичного сходства. Тогда мы можем предположить это, даже несмотря на тот факт, что настоящая структура сильно отличается внешне от предыдущей структуры и/или интегрирована в совершенно другую обстановку. Среди ярких примеров такого гомологичного сходства можно назвать три человеческие слуховые косточки и скулы акулы. И хотя на первый взгляд невозможно поверить, что между ними может быть что-то общее, можно проде-

монстрировать, что первые произошли от последних много миллионов лет назад. Также можно продемонстрировать, что современные парламенты происходят от собрания сословий, хотя эти два института выглядят совершенно по-разному. Структуры, отвечающие, по крайней мере, последнему критерию, могут быть признаны гомологичными вне всякого серьезного сомнения. Если структуры соответствуют первым двум критериям, очень возможно, что мы имеем дело с гомологическим сходством. И во многих случаях даже соответствие одному из первых двух критериев может оправдать такое утверждение.

Аналогия

Хотя в разговорах мы довольно часто употребляем это слово, определить аналогию гораздо труднее, и это требует более внимательного и глубокого размышления. Поэтому неудивительно, что в определении и использовании аналогий случается столько ошибок. Главная причина этих проблем заключается в том, что нам надо *заранее исключить* гомологические сходства, до того, как эта вторая форма сходства может быть вполне *обоснованно* присвоена двум или более сравниваемым структурам. Это требование становится очевидным, когда мы анализируем главные черты аналогового сходства: аналогия обозначает сходство, основанное на *адаптации* структурами *разного происхождения* к одинаковым проблемам их окружающей среды. Другими словами, аналоговые сходства — это сходства *поверхностных структур*, являющиеся результатом *адаптационных* процессов, в то время как гомологические сходства — это сходства в *глубинных структурах*, являющиеся результатом генетических или мем-репликаций.

Приведем два примера. Крылья птиц и насекомых имеют совершенно разное происхождение, но они очень схожи, так как обе структуры развивались в течение многих поколений, в борьбе с одинаковой проблемой, а именно: как поднять тело в воздух и заставить его лететь. В мире политических институтов Сенат США и Немецкий федеральный совет выглядят очень похожими друг на друга, когда проводят пленарное заседание или работают в комиссиях. Таким образом, они соблазняют наивных наблюдателей, заставляя их поверить, что они принадлежат одному и тому же типу

«федерального представительного собрания». Но на самом деле у них совершенно разные «предки». В случае США – это были представители судебной власти от каждого штата, а в немецком случае – послы правительств разных государств.

Так как аналоговое сходство является результатом взаимодействия различных структур с одинаковой окружающей средой, оно возникает и исчезает в зависимости от изменения функций, выполняемых данной структурой, и от величины структурной нагрузки, которую оно несет. Анализ аналогий, таким образом, помогает нам понять, как изменяющееся влияние окружающей среды и функциональных требований может подтолкнуть развитие совершенно разных форм структур, которые имели одинаковое происхождение. Другими словами, аналогии объясняют нам многое о процессах *внешней селекции* и важных факторах дифференциальной репродукции. Поэтому Конрад Лоренц в своей известной речи на церемонии присуждения Нобелевской премии назвал аналогии «источником знания» (Lorenz, 1994). Это объясняет, почему историки, обществоведы и практикующие политики *любят* искать аналогии и *пытаются* научиться у них. Но также справедливо и то, что они редко соглашаются по поводу того, чему же именно конкретная аналогия может «действительно» научить, и обычно не соглашаются даже в том, является ли данная аналогия «действительной» или «ошибочной». В чем же причина таких проблем вокруг такого популярного определения наблюдаемого и интерпретируемого сходства? Похоже, что главной причиной является тот факт, что поиск аналогий обычно проводится очень *интуитивно*, а не *методологически контролируемым* путем. Это происходит из-за того, что большинство людей, и даже ученых, не имеют ясной концепции гомологии. В результате они не делают и не формулируют важного отличия между «сходством, основанном на происхождении» (т.е. гомологическом сходстве), и «сходством, основанном на адаптации» (т.е. аналоговом сходстве). Вместо этого понятие аналогии используется как общий термин для всех видов сходств. Но так как существуют совершенно разные типы сходств, всегда найдется веская причина утверждать, что то, что называется аналогией (так как имеет *некоторые* общие черты с чем-то еще), на самом деле совсем *не так похоже* или *так похоже*, как утверждалось в споре. В конце концов, сходство происхождения под слоем различ-

ных дополнительных структурных слоев, которые адаптируют его к различной окружающей среде, и на *самом деле* что-то *совсем другое*, чем сходство, которое создано адаптацией различных структур к одинаковым требованиям. Поэтому неудивительно, что те, у кого не хватает слов, чтобы объяснить эти отличия, втягиваются бесконечно в бесплодные дебаты о «неправильных аналогиях» и «сбивающих с толку примерах», т.е. в обсуждение того, есть ли «реальное» или хотя бы «достаточно» сходства между двумя или более случаями. В худшем случае, человек начинает чувствовать себя неловко во всей этой затее со сравнительными исследованиями и перестает даже *искать* сходство – по крайней мере пока сравниваемые случаи или структуры не признаются «сходными вне всякого сомнения» с самого начала. Но эмпирическая наука во многом опирается на сравнения, и ничто кроме сравнения не может *показать* нам, есть ли сходство или его нет. Поэтому нам просто необходима ясная концепция, чтобы мы могли понять разные формы сходства. Концепции гомологии и аналогии к тому же помогают нам справиться с этой проблемой. Но их недостаточно.

Гомойология

Возможно ли, чтобы схожие проблемы окружения влияли на структуры, которые уже сходны из-за своего происхождения? Конечно! Именно такой интерактивный эффект и называется «гомойологией». То есть формирование аналогового сходства на базе уже существующего гомологического сходства. В таких случаях давление адаптации оказывается на структуры, которые *уже* схожи. В результате получаются формы очень эффективные и поэтому очень понятные. Мы находим такие формы сходства, например, в свободно избираемых многопартийных парламентах, которые выполняют свои функции в либеральных демократиях (контроль над правительством, законодательство, коммуникации). Здесь сходные проблемы в сходном окружении воздействуют на институты со сходным происхождением, и это приводит к созданию собраний, которые мы называем «полноправным» или даже «настоящим» парламентом. Компаративисты, которые заявляют, что, чтобы иметь «возможность сравнивать», требуется «достаточная степень сходства», кажется, имеют в виду именно эту *комбинацию* двух

взаимно усиливающих друг друга форм сходства¹. Но довольно часто случаи сходства «только» по происхождению или «только» по адаптации к одинаковым проблемам исключаются из анализа как «недостаточно сходные». Конечно, это лишает нас и дополнительных знаний об (просто) аналогиях, и возможности реконструировать «скрытые взаимоотношения», т.е. гомологическое сходство в основе по-разному адаптирующихся структур. Например, некоторые ученые-правоведы утверждают, что только парламенты либеральных демократий могут быть законно использованы для сравнения, в то время как сравнение их с социалистическим законодательством или с сословным собранием не может не привести к искаженным или даже совершенно неправильным результатам. Я категорически против такого утверждения и заявляю, что сравнительный анализ значительно быстрее прогрессировал бы, если бы мы перестали исключать негомойологические случаи из нашего сравнения. Кроме того, мы могли бы избавиться от бессмысленных дискуссий о «недопустимых аналогиях», если бы мы использовали концепцию гомойологии для того, чтобы противопоставить случаи, совмещающие гомологическое и аналоговое сходство, случаям, где присутствует только одна форма сходства.

Гомодинамия

В отличие от гомологий, аналогий и гомойологий, гомодинамия – это *сходные способности* начать процессы построения структур. В результате использования таких сходных возможностей могут появиться схожие структуры. Работа этого механизма заключается в том, что начинает действовать определенная программа, которая создает структуру в соответствии с данным «чертежом» или «рецептом». В биологии самый известный пример гомодинамией – это онтогенез эмбриона: если процесс начат и ничто не останавливает его извне или в результате «серьезных ошибок» в процессе построения структуры², он продолжается и приводит к дальнейшей репродукции. Их сходство возникает благодаря «программам», которые в случае их развертывания и воплощения везде

¹ «Гомойос» в классическом греческом на самом деле обозначает «сходный».

² Именно это и называется «внутренней селекцией».

и всегда работают *одинаково*. В мире социальном и, стало быть, на более высоком уровне построения структур, чем в биологии, *социобиология* и эволюционная *психология* продемонстрировали такой же эффект: люди обычно реагируют одинаково на сексуальные стимулы и физическую угрозу, вещи, которые они хотели бы иметь или защищать, и они даже используют сходные основные формы коммуникации и взаимодействия. Поэтому не всякое сходство, которое мы наблюдаем, берет свое начало в гомологии, аналогии или взаимодействии этих двух, но *почему-то* некоторые сходства получаются благодаря способности разных людей «выполнять одинаковые программы», «стоит только их ввести в действие». Поэтому, если мы хотим избежать неправильных выводов по поводу причин для наблюдаемого «порядка в социальной реальности», мы должны выделить то сходство, которое берет начало в гомодинамии. Позже нам нужно будет объяснить и остальные сходства.

Гомономия

В отличие от гомодинамий, общих программ, порождающих сходные структуры, гомономии, как и другие формы сходств, сами по себе являются структурами. Похоже на то, что в природе и культуре обычно создается много *основных форм* на основе гомодинамий, которые позже могут быть встроены в совершенно другие структуры и могут принимать большое разнообразие функций. В биологии примером этого могут служить такие формы, как ноги мириаподов или многочисленные виды волос, растущих на нашем теле (от пучков волос в ушах, ловящих звук, до волос на нашей коже). На уровне социальной организации мы находим, например, что люди начинают организовывать «сообщества», когда нужно решать проблемы сообщества, или что они дают полномочия лидеру для той же цели, таким образом создавая систему последователей лидера. Такие структуры, в основном благодаря гомодинамичным процессам, называются «гомономиями».

Мозаичная эволюция

Мозаичная эволюция обозначает, что некоторые части внутренней развивающейся структуры могут быть каким-то образом «замо-

рожены» на очень длительный период, в то время как другие части этой целостной структуры могут значительно измениться. Например, позвоночник, центральная часть в «архитектуре» позвоночных, почти не изменился за последние 450 млн. лет, в то время как многие другие части тела позвоночных радикально изменились. Другой пример – бипедализм (двуногость). Он развился в течение эволюции гоминидов вместе с радикальными изменениями в тазовом поясе, и это произошло задолго до того, как другие части человеческого тела претерпели изменения. В римской церкви, чтобы дать вам пример из социальной реальности, до сих пор существуют отдельные роли мирян и епископов, хотя многие другие организационные черты были добавлены или претерпели глубокие трансформации.

Мозаичная эволюция основывается на эффектах «структурной архитектуры», создающих процессы, зависящие от выбранного пути, следующим образом: сначала формируются некоторые основные структуры; со временем они нагружаются новыми слоями дополнительных структур; эти дополнительные структуры или дальнейшие новые слои, сформированные раньше, адаптируют основную структуру к меняющемуся окружению и меняющимся функциональным требованиям; на протяжении всех этих процессов происходит отбор: и только те новые структуры имеют шанс стать «предками» дополнительных структур, которые при возникновении подходят базовым структурам, на которые они помещены (т.е. «внутренняя селекция»), и, возникнув, оказываются в состоянии внести свой вклад в выполнение функций, жизненно важных для развивающейся системы (внешняя селекция); в результате многие ненагруженные «куски мозаики» в целой системе изменяются, в то время как тяжело нагруженные основные структуры остаются неизменными. Анализируя эволюцию административных органов, армий, религиозных институтов и т.д., можно совершенно четко увидеть эту форму макроэволюции.

Параллельная эволюция

Параллельная эволюция – это еще одна концепция для анализа макроэволюции, но она относится к эволюции между видами или институтами. Она происходит следующим образом: индиви-

дуумы одного вида попадают в немного разные ниши; со временем индивидуумы этого вида адаптируются к разным условиям и трудностям этих ниш; как следствие, развиваются две (или более) версии исходной формы, т.е. два (или более) подвида; и это происходит таким образом, что некоторые элементы исходной формы остаются стабильными, в то время как другие элементы трансформируются (еще глубже) или развиваются как новые элементы вокруг них.

Это явление называется параллельной эволюцией, где сохраненные гомологические структуры обозначают параллель. В природе «тасманийский тигр» как сумчатое и евразийский волк как млекопитающее служат примерами такого типа эволюции. Оба имеют общего предка из семейства собачьих, были отделены друг от друга на протяжении миллионов лет, коренным образом отличаются тем, что один относится к сумчатым, а другой к млекопитающим, и тем не менее имеют много общих черт, особенно количество и расположение зубов. В таких случаях *генетически направленные возможности* адаптации внутри узких границ, кажется, *подходят к конкретному сегменту* условий ниши и, стало быть, остаются стабильными во времени, а другие части структуры или менее направлены, или меньше подходят к изменившейся нише. Примеры из сферы институтов включают в себя парламенты, которые сохраняют (части) своих структур исходной комиссии, и поэтому гомологическое сходство, даже если теперь один парламент встроен в либеральную демократию, а другой в социалистическую систему. Параллельная эволюция поэтому – это *стенографическое описание* всего макроэволюционного процесса, в котором происходит видообразование или возникает новый институт и в то же время сохраняется исключительное гомологическое сходство с их общим предком. Тем не менее остается дискуссионным вопрос о том, *насколько* параллельными должны быть два процесса, чтобы они могли обоснованно называться *параллельной* эволюцией.

Я пытался показать, почему нам следует использовать морфологию как способ исследования в политической науке и как средство сокращения разрыва между деятельностью историков и исследованиями политологов. В конце концов, мир, и прошлый и современный, лежит перед нами, открытый для морфологических исследований. Нужно заняться исследованиями, которые проверят

и подтвердят то, что было предсказано и обещано. Почему бы нам не рискнуть, да здесь и почти нет риска, особенно когда речь идет о возможности совершить важные открытия и построить гораздо более близкие отношения между политологией и историей?

Литература

- Berger P., Luckmann T.* Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. = The social construction of reality. A theory on the sociology of knowledge. – Frankfurt: Fischer, 2012. – 240 s.
- Blackmore S.* The Meme machine. – Oxford: Oxford univ. press, 1999. – 264 p.
- Braudel F.* History and the social sciences: The longue durée (1980) // Cultural theory. An anthology / Szeman I., Kaposy T. (eds.). – Oxford: Wiley-Blackwell, 2011 [1980]. – P. 364–375.
- Dawkins R.* The selfish gene. – Oxford: Oxford univ. press, 1989. – 365 p.
- Demuth C.* Institutionelles Lernen. Der Deutsche Bundestag als Beispiel // Evolutorischer Institutionalismus / Patzelt W. J. (ed.). – Würzburg: Ergon, 2007. – S. 641–687.
- Dennett D.* Darwin's dangerous idea. Evolution and the meanings of life. – N.Y.: Simon and Schuster, 1996. – 586 p.
- Giddens A.* The constitution of society. Outline of the theory of structuration. – Cambridge: Polity Press, 2009. – 440 p.
- Glaser B.G.* Getting out of the data. Grounded theory conceptualization. – Mill Valley, California: Sociology Press, 2011. – 201 p.
- Heer S.* Herausbildung parlamentarischer Steuerungsstrukturen im deutschen Parlamentarismus seit 1871: Dissertation. – Dresden, 2012.
- Kuhn T.S.* The structure of scientific revolutions. – Chicago: The Univ. of Chicago press, 2012. – 226 p.
- Lempp J.* Ein evolutionstheoretisches Modell zur Analyse institutioneller Reformen // Evolutorischer Institutionalismus / Patzelt W.J. (ed.). – Würzburg: Ergon-Verlag, 2007. – S. 599–639.
- Lorenz K.* Analogy as a source of knowledge: Nobel Lecture, 1973. – P. 97–107. – Mode of access: <http://www.nobel.se/medicine/laureates/1973/lorenz-lecture.pdf> (Дата посещения: 12.03.2012.)
- Mommsen W.J.* Leopold von Ranke und die moderne Geschichtswissenschaft. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1988. – 280 S.
- Morris I.* Why the West rules – for now. The patterns of history and what they reveal about the future. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2010. – 768 p.
- Patzelt W.J.* Grundlagen der Ethnomethodologie. Theorie, Empirie und politikwissenschaftlicher Nutzen einer Soziologie des Alltags. – München: Fink, 1987. – 384 S.
- Patzelt W.J.* Grundriss einer Morphologie der Parlamente // Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und exemplarische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit / Patzelt W. J. (ed.). – Würzburg: Ergon, 2007a. – S. 483–564.

- Patzelt W.J.* Was soll und wie betreibt man vergleichende Diktaturforschung? Ein forschungsprogrammatischer Essay in evolutorischer Perspektive // *Totalitarismus und Demokratie*. – Göttingen, 2009. – Vol. 6. – S. 167–207.
- Patzelt W.J.* Evolutionstheorie als Geschichtstheorie. Ein neuer Ansatz historischer Institutionenforschung // *Der Mensch – Evolution, Natur und Kultur: Beiträge zu unserem heutigen Menschenbild* / Jochen O. (ed.). – Heidelberg: Springer, 2010. – S. 175–212.
- Patzelt W.J.* «Blueprints» and Institution-Building. Former East Germany and its present state parliaments as a case in point // *Journal of East European and Asian studies*. – Romania, 2011. – Vol. 2/1. – P. 17–40.
- Patzelt W.J.* Evolutionary institutionalism and innovation. Conceptual framework and areas of application in social science and society: Presentation prepared for the Conference of the Eurasia Business and Economics Society, Istanbul, May 2012a. – Available from the author.
- Patzelt W.J.* Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit. – Würzburg: Ergon Verlag, 2007b. – 735 p.
- Patzelt W.J.* Parlamente und ihre Evolution. Forschungskontext und Fallstudien. = Parliaments and their evolution. Research framework and case studies. – Baden-Baden: Nomos, 2012b. – 357 p.
- Riedl R.* Riedls Kulturgeschichte der Evolution. – Berlin: Springer, 2003. – 236 S.
- Schaefer J.M.* Studies in cultural diffusion: Galton's problem. – New Haven: Human Relations Area Files, 1974. – 558 p.
- Steinmo S.* Structuring politics. Historical institutionalism in comparative analysis. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – 272 p.
- Thelen K.* Historical institutionalism in comparative politics // *The annual review of political science*. – Palo Alto, CA, 1999. – Vol. 2. – P. 369–404.
- Thelen K.* How institutions evolve. Insights from comparative-historical analysis // *Comparative historical analysis in the social sciences* / Mahoney J. (ed.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – P. 208–240.
- Volland E.* Die Natur des Menschen: Grundkurs Soziobiologie. – München: Beck, 2007. – 182 S.
- Volland E.* Soziobiologie. Die Evolution von Kooperation und Konkurrenz. – Heidelberg: Spektrum, 2009. – 256 S.

Перевод Е.М. Кривоногов